UDK 811.163.6’367.625:811.161.1’367.625
*Ada Vidovič Muha, Aleksandra Derganc*
Filozofska fakulteta v Ljubljani

# ГЛАГОЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ[1]

Pomenska razčlenitev glagola *imeti* je v slovenščini odprla temeljno pomensko razmerje z glagolom *biti* $\{M_k\}$ na podlagi treh pretvorbenih možnosti, med katerimi sta za svojilnost tipični zlasti pretvorbi v svojilni rodilnik oz. iz njega nastali pridevnik in v prostorsko prislovno zvezo. Na podlagi teh dveh pretvorb se je potrdil glagol *imeti* kot poseben način nahajanja česa ev. koga v prostoru glede na temeljno orientacijsko točko – posedovalca (posesorja). – V ruščini se večina predstavljenih pomenov slovenskega glagola *imeti* izraža s fraznim glagolom *byt’u*, pri čemer je posedovalec izražen z rodilnikom, posedovano pa z imenovalnikom. Glede na to, da je ruska konstrukcija že izvorno tesno povezana z izražanjem kraja, je zlasti zanimiva regularna pretvorba svojilne konstrukcije v stavek s krajevnim pomenom, kar zahteva spremenjen besedni red in prehod v drug stavčni vzorec.

The semantic analysis of the verb *imeti* ‘to have’ opened a basic semantic relationship with the verb biti $\{M_{loc}\}$ based on three transformational possibilities, of which the most typical for possessiveness are the transformations into possessive genitive and/or the adjective derived from it and into spatial adverbial phrase. Based on these transformations, the verb *imeti* was confirmed as a special way of something or somebody being situated in the space in relation to the basic orientation point, i.e., possessor. – In Russian, the majority of presented meanings of the Slovene verb *imeti* are expressed with the phrasal verb *byt’u*, where the possessor is expressed with the genitive and the possessed with the nominative. Considering that the Russian construction is originally closely connected with the expression of location, the particularly interesting transformation of the possessive construction is into a sentence with the meaning of location, which requires changes in word order and a different sentence pattern.

**Ključne besede:** glagolski primitiv, teorija lokalizma, svojilnost, pretvarjanje, jezikovnosistemska stilistika

**Key words:** verbal primitive, theory of localism, possessiveness, transformation, linguosystemic stylistics

Глаголы *иметь* и *быть* вместе с глаголом *делать* относятся к глагольным примитивам, (Quirk 1995: 120–132), которые, как известно, отличает невозможность дальнейшего семантического членения,[2] в словообразовании – возможность морфемизации (Vidovič Muha 1985; 1988: 17–25). Эти два глагола семантически тесно связаны друг с другом. При выражении посессивности в самом широком смысле, т.е. отнесения, определения местоположения чего-то относительно чего-

[1] Тема представлена в сокращенном варианте на основе типологии, которую для словенского языка разработала А. Видович Муха (A. Vidovič Muha 1998: 293–324), с частичными изменениями (2005: 291–315). Материал для словенского языка по большей части черпался из «Словаря словенского литературного языка», тт. I–V, 1970–91гг.

[2] Р. Кирк (Quirk 1995: 130–135) для глагольных примитивов, или примарных глаголов, как он их называет, выделяет их вспомогательную роль, когда эти глаголы выражают только или главным образом (глагольные) категории времени, наклонения и залога.

то (или кого-то) другого, как известно, они разделяют все славянские языки на две группы: в первой это значение выражается при помощи глагола *иметь* (habere), напр., словенский язык, а во второй – глагола *быть* (esse), напр., русский; речь идет о конструкциях типа *Ima avto*: *У него (есть) машина* в значении однозначной притяжательности ‘его машина’. Не удивительно поэтому, что некоторые лингвисты строят семантическую иерархизацию глагола *иметь* в значении *быть* в сочетании с *при* или же любой из локативных морфем с глубинным значением наречий места, т.е. *быть* $\{M_{loc}\}$. Теория т.н. локализма, по Дж. Лайонзу (Lyons 1983: 322–330; 1975: 403), – гипотеза о том, что локативные выражения являются грамматически и семантически исходными по отношению к различным нелокативным выражениям, основывается на осознании, что приобретение некоего свойства, состояния семантически соотносится с нахождением в данном состоянии так же, как и получение места – с нахождением на этом месте. Таким образом можно объяснить и тот факт, что во многих языках – подобно как и в русском – посессивные конструкции тесно связаны с локативными.[3]

Таким образом оба глагола связывает выражение локативной отнесенности, но при этом только *быть* $\{M_{loc}\}$ пространственно открыт, неопределен, а *иметь* в исходном значении связывает точку ориентации с посессором. В качестве основы семантической типологии был взят глагол *imeti* в словенском языке, для которого были разработаны трансформации в притяжательное прилагательное ($T_1$), обстоятельство места ($T_2$) и другие ($T_3$); все три в принципе выражают тесную смысловую связь с глаголом *biti* $\{M_{loc}\}$. Кроме того, богатая системная языковая стилистика, базирующаяся на трансформационных связях между этими глаголами, в словенском языке определяется вопросом, что в предложении является темой, а что ремой – т.е. актуальным членением предложения, напр., *Sosed ima avto – Avto je pri sosedu (как его собственность)*.

В русском языке конструкция *У соседа есть машина* уже в основе обозначает посессора при помощи тех же самых языковых средств, что и местонахождение. Актуальное членение в данной конструкции влияет не только на порядок слов, но также и на появление глагольного элемента *есть*.[4] Соотношение между локативным и посессивным значениями зависит от категориальных свойств и лексического заполнения позиций существительных, а также структурной схемы предложения. Представленные на настоящий момент фрагменты семантической типологии были просто сравнены с русским языком.[5]

**1** Методологический прием: трансформационная связь между *imeti* и *biti* $\{M_{loc}\}$, главным образом *biti pri*, в словенском языке типологически тройственна.

---

[3] Функциональная грамматика М. А. К. Хэллидэя (Halliday 1994: 119–138) реляционные процессы, всегда определяемые отношением (реляцией) между двумя энтитетами, подразделяет на обстоятельства (х есть у а), посессивность (х имеет а) и идентификацию (х есть а).

[4] В посессивной конструкции глагол *есть* может выступать эксплицитно или в нулевой форме. Говоря очень обобщенно, он выступает эксплицитно, если является ремой или частью ремы, а в нулевой форме – если рема является, напр., определением. Об этом вопросе рассуждают, напр., Арутюнова (1998: 785-88) и Селиверстова (2004: 66–88).

[5] О сопоставлении способов выражения посессивности в русском и французском языках см. Гак (1977: 245–252). Гак говорит, что для французского языка характерны конструкции с переходными глаголами и субъектом-темой в начале предложения, в то время как для русского – конструкции с непереходными глаголами и субъектом в позиции ремы (251). Гак подчеркивает, что глагол *avoir* имеет разные значения, начиная с подлинной посессивности, через локативность и свойство, до вспомогательного глагола.

(a) Трансформация $T_1$ обозначает изменение ролей актантов: посессор, первоначальный $S_{им}$, всегда человек (ч+), через преобразования в родительный принадлежности становится основой для притяжательного прилагательного, а обладаемое, всегда не человек (ч–), занимает место подлежащего.[6] В русском – обладаемое также занимает место подлежащего в именительном падеже, а преобразование посессора в большинстве случаев останавливается на родительном принадлежности, так как притяжательные прилагательные стилистически маркированы,[7] исключая личные местоимения.

(1) *Sosed ima avto, konja*

($1_a$) *Avto, konj je sosedov* и последующая номинализация

($1_b$) *avto, konj (od) soseda – sosedov avto, konj.*[8]

(2) *У соседа (есть) машина, лошадь*

($2_a$) *Машина, лошадь – соседа*

($2_b$) *машина, лошадь соседа.*

(b) Трансформация $T_2$ в словенском языке также обозначает обмен ролями, когда при замене глагола *imeti* на глагол *biti pri* или *biti* $\{M_{loc}\}$ первоначальное $S_{вин}$, т.е. обладаемое, переходит на место подлежащего, т.е. становится $S_{им}$, а первоначальное $S_{им}$ преобразуется в обстоятельство места. Трансформация $T_2$ выражает только местонахождение обладаемого (ч–) у посессора (ч+):

(3) *Sosed ima avto*

($3_a$) *Avto je pri sosedu.*

В русском трансформация $T_2$ возможна при изменении структурной схемы предложения:[9]

(4) *У соседа есть машина*

($4_a$) *Машина у соседа.*[10]

[6] Попытка ответить на вопрос об актуальном членении в связи с данным соотношением приведена в работе, цитируемой в прим. 1.

[7] Образование притяжательных прилагательных от существительных в русском языке затруднено. Не возникает никаких препятствий, если посессор выражен личным местоимением, теоретически возможно образовать притяжательные прилагательные также и от существительных, обозначающих лиц, типа *отцов, соседов, приятелев* (РГ I: 269), но на практике их использование в литературном языке «угасает» (Виноградов 1986: 166). Часто используются только такие притяжательные прилагательные, как *мамин, папин, Машин, Петин* (Исаченко 1954: 284–86; 287–291), а притяжательность от других существительных в литературном языке предпочтительнее выражается с помощью родительного падежа: *дом отца*.

[8] Подлинный родительный принадлежности стоит в единственном числе, что значит, что принадлежность приписывается отдельному лицу, в плане выражения различаются аффиксы для мужского и женского рода – *-ov*, *-in;* упомянутые аффиксы таким образом сохраняют все качества окончаний – выражают падеж – родительный, род – мужской/женский и число – единственное. По сути, мы имеем дело с окончанием.

[9] Структурная схема посессивной конструкции, по РГ II, $N_1 – V_f$ ; если присутствует глагол типа *быть, существовать, происходить* и т. д., исходный порядок слов представлен в этой схеме $V_f – N_1$. Посессор выражен детерминантом (258; 250). Структурная схема локативной конструкции $N_1\ N_{-1}$ (РГ II: 300). Словосочетание, которое в притяжательной конструкции было детерминантом, в локативном предложении стало частью сказуемого. *Есть* в локативной конструкции, как правило, выступает в нулевой форме.

[10] *Машина у соседа* может быть вариантом посессивной конструкции, в которой (по контрасту) актуализован посессор, однако это бывает редко (Арутюнова 1998: 757).

(c) Трансформация $T_3$ обозначает все иные преобразования, т.е. не в родительный принадлежности и не локативные, напр.:

(5) *Sosed ima brado*

($5_a$) *Sosed je bradat* и др.

(6) *У соседа (есть) борода*

($6_a$) *Сосед бородатый.*

**2** Учитывая семантическое соотношение с глаголом *biti pri*, значения глагола *imeti* в словенском можно в общих чертах разделить по крайней мере на три группы; в значении глагола *imeti* акцент делается на следующих элементах:

- посессивность:[11] два глагола соотносятся друг с другом как гипер- и гипоним, естественно, если мы исходим из того, что поссесивность по определению является нахождением в пространстве; в этом случае *иметь* можно выразить с помощью: *Nekaj* (ч-) *je pri kom* (ч+) *kako* (kot svojina) (*Нечто* (ч-) *есть/находится у кого-то* (ч+) как (как собственность));

– нахождение в пространстве: глаголы *imeti* и *biti pri* посредством трансформации $T_2$ находятся в трансформационной синонимичной связи, напр.: *Sosed ima (mojo) knjigo – Pri sosedu je (moja) knjiga*;

– приписывание свойства, состояния и т.п. *кому-л./чему-л.*, когда наряду с трансформацией $T_1$ как семантически параллельная появляется также $T_3$, напр.: *Otrok ima vročino – Otrok je vročičen*, трансформация $T_2$ весьма абстрактна: **Na/Pri otroku je vročina*.

**2.1** Посессивность – обладаемое размещено у посессора одним из предсказуемых способов, в зависимости от значения глаголов *imeti* или *biti pri*.

**2.1.1** Посессивность обладания, *imeti* – в словенском языке или *быть у* – в русском выражают обладание: в словенском ‘posedovati kaj, biti lastnik’, в русском ‘владеть чем-либо’.[12] В этом смысле в словенском и русском языках структурные схемы различаются. В словенском:

---

[11] На основе семантико-синтаксического членения посессивности (в самом широком смысле), как ее выражают различные именные словосочетания с притяжательными прилагательными, у прилагательных выделяется т.н. посессивность обладания (*očetov klobuk*,), а среди прочих – реляционная принадлежность (*očetov brat*, *otrokov učitelj*) и принадлежность части организма (*ježeva bodica*). Все названные группы, в зависимости от дистрибуции по отношению к существительным, относящимся к категории конкретных, являются подлинно притяжательными; к неподлинно притяжательным относятся прилагательные, определяющие понятийные (абстрактные) существительные (*očetovo delo*, *bolnikova vročina*, *sosedov abonma),* см. (Vidovič Muha 1981).

[12] Понятие посессивности обладания связано с посессором, который имеет категорию ч+, и обладаемым, которое имеет категорию ч-. Речь идет о родительном принадлежности, который в словенском трансформируется в притяжательное прилагательное с суффиксами -ov/-in, тип *Sosed ima avto* ← *avto (od) soseda* ← *sosedov avto*. В русском трансформация обычно идет только до родительного принадлежности: *машина соседа*. – Z. Topolińska для посессивности обладания предполагает образец *f (x, y)*, где ‘человек’ *(x)* + ‘материальный предмет’ *(y)* + ‘полное распоряжение’ *(f)*. – Категория посессивности в целом рассматривается как отношение обладателя и обладаемого; как таковое оно относится к фундаментальным общественным отношениям (Štěpán 1985: 20–27).

$S_{им}$ $imeti_f$ $S_{вин,}$ $S_{им}$ →посессор, $S_{вин}$ → обладаемое; $S_{им}$ (посессор) → ч+, $S_{вин}$ (обладаемое) → č–. *Imeti* – полнозначный и двухвалентный глагол.

В русском языке: $S_{род}$ $\{M_{loc}\}$ $быть_{зл}$ $S_{им}$, $S_{род}$ $\{M_{loc}\}$ →посессор, $S_{им}$ →обладаемое, $\{M_{loc}\}$ → у ‘около’; $S_{род}$ $\{M_{loc}\}$→ ч+, $S_{им}$ → ч–. В русском языке *быть* (*у*) считается полнозначным, если выражен эксплицитно (Арутюнова 1998: 741). Апресян (2000a: 253–4) приписывает глаголу двухактантность, однако, кажется, во всех посессивных конструкциях, а не только при посессивности обладания.

Трансформация $T_2$ в словенском возможна, если принять точку зрения, что посессивность – это нахождение в пространстве. Семантическое соотношение строится иерархично – гипер-/гипонимично, и создает условия, в которых может быть реализовано обладание, или же оказывается самодостаточным, когда речь идет об обстоятельствах.

(7) *Sosed ima avto, konja*

($7_a$) *Avto, konj je pri sosedu* (как его собственность).

Трансформация $T_1$ см. выше. Дополнение ($S_{вин}$) не может распространяться притяжательным прилагательным; пример как

(8) *Sosed ima očetov avto*

для словенского языка может трактоваться либо (a) как синонимичный действительному местоположению ($8_a$) *Pri sosedu je očetov avto*

либо (b) как отнесенность прилагательного к классу притяжательно-относительных (Vidovič Muha 1981): имеется в виду, что *očetov* – по происхождению očetov.

($8_b$) *Sosedov avto je (по происхождению) očetov*.

В случаях, когда $S_{вин}$ распространен, напр., качественным прилагательным,

(9) *Sosed ima nov avto*

речь идет просто о новых ремах (Topolińska, 1985), что доказывает $T_1$

($9_a$) *Sosedov avto je nov*

относительно

($9_b$) *Nov avto je sosedov*.

Особая проблематика, связанная с актуальным членением, в словенском языке возникает в тех случаях, когда оказывается выраженным обстоятельство места. Трансформация $T_2$, устанавливающая соотношение между посессивностью и местонахождением, в таких примерах затруднена:

(10) *Sosed ima avto pred hišo*

($10_a$) *Sosedov avto je pred hišo*

($10_b$) **Avto pri sosedu* ’как его собственность’ *je pred hišo.*

Также *Ključe imam v žepu – Moji ključi so v žepu* или *Knjigo imam na mizi – Moja knjiga je na mizi*. Глагол *imeti,* таким образом, выражает посессивность, трансформация $T_1$, типа *moji ključi*, и глагольные (синтаксические) категориальные свойства, такие, как время, наклонение, залог, при трансформации $T_2$ выражаются личной формой глагола *biti: /.../ so na mizi*.

В русском языке примеры, когда посессор $ч^+$, а обладаемое $ч^-$, в первую очередь интерпретируются как притяжательные, так как основная функция данной конструкции – выражение посессивности. Выражение *у соседа* в данном

случае обозначает посессора, не смотря на то, что в плане выражения идентично выражению в ($4_a$), где имеет локативное значение.[13] Если при обладемом используется родительный посессивности, как, напр.,

(11) *У соседа – машина отца*

то родительный *отца* имеет притяжательно-относительное значение, локативная интерпретация тут возможна лишь с большим трудом, в том смысле, что посессор 'располагает' обладаемым.

($11_a$) *У соседа машина (по происхождению от) отца.*

И только изменение порядка слов и переход к иной структурной схеме предложения ($T_2$) актуализирует локативное значение, в этом случае также и постановка родительного принадлежности после обладаемого не вызывает никаких затруднений:

($11_b$) *Машина* (*отца*) *– у соседа.*

Если обладаемое ($S_{им}$) распространено, напр., качественным прилагательным, то речь также идет о новых ремах:

(12) *У соседа новая машина*[14]

($12_a$) *Машина соседа новая*

или же для русского языка характерно сохранение сочетания *у соседа* в качестве определения:

($12_b$) *Машина у соседа новая.*[15]

Словенским примерам под номером (10) в русском соответствуют:

(13) *У соседа машина перед домом*

($13_a$) *Машина у соседа перед домом*

или

($13_b$) *Машина соседа перед домом.*

Точно также: *У меня ключи в кармане – Ключи у меня в кармане* или *Мои ключи в кармане*.

**2.1.2** В словенском глагол *imeti* – неполнозначный, если он одновалентен. Тип синтаксической конструкции: $S_{им}$ (посессор) $V_f$, $V_f \rightarrow imeti_f$ $S_{вин}$ (обладаемое). Сюда относятся все дальнейшие значения глагола *imeti*.

В русском имеем дело с такой же конструкцией, что и при посессивности обладания. Можно предположить, что глагол *есть* сохраняет полнозначность и двухвалентность, если он выражен эксплицитно.

**2.1.2.1** Реляционная посессивность: $S_{им} \rightarrow$ ч+, $S_{вин} \rightarrow$ ч+; в русском $S_{род} \rightarrow$ ч+, $S_{им} \rightarrow$ ч+:[16]

[13] См. прим. 10.

[14] В примере (12) полнозначность глагола ослаблена, в нем объединяется значение экзистенциальности и связки: *У соседа есть машина. Машина новая*. (Арутюнова 1998: 756).

[15] О соотношении сочетаний *машина у соседа* и *машина соседа* см., напр., (Селиверстова 2004: 18), (Арутюнова 1998: 751), (Апресян 2006: 3).

[16] Приведем краткое обоснование одновалентности глагола *imeti* при реляционной посессивности: притяжательное прилагательное, образованное от посессора ч+ в тех случаях, когда обладаемое также ч+, не может становиться частью сказуемого, тип *bratov prijatelj – *Prijatelj je bratov*, это

(a) Родственная принадлежность:

(14) *Sosed ima sestro, brata, ženo, sestrično, strica (mater)* и т.п.

Соотношение между посессором и обладаемым двунаправленное, основанное на взаимодополняющей причинно-следственной антонимии, напр.: *brat – sestra* или *mož – žena* (Vidovič Muha 1998);[17] т.е. *Sosed je brat, mož, bratranec, nečak (sin)*, ker ima *sestro/brata …*[18]

(b) Иная (неродственная) реляционная посессивность:

(15) *Sosed ima odvetnika …*,

где речь не идет о причинно-следственном соотношении, а антонимичность случайна.

В русском реляционная посессивность – родственная и любая другая – также выражается с помощью посессивной конструкции: *У* $S_{род}$ *(есть)* $S_{им,}$ оба S ч+.

(16) *У соседа есть сестра, брат, жена, двоюродная сестра, дядя (мать).*

Также действительно утверждение: *Сосед – брат, муж, двоюродный брат, племянник (сын),* потому что у него есть *сестра/брат* и т.п.

(17) *У соседа есть адвокат*.

В русском языке при отсутствии *есть* в этих предложениях возможна также локативная интерпретация (Шатуновский 2000: 195).

**2.1.2.2** Посессивность составной части обнаруживает несколько категориальных характеристик посессора: $S_{им}$ (посессор) → ч+/о+/о–, обладаемое ($S_{вин}$) ‘быть составной частью’ всегда о–:

(18) *Človek ima roke*; *Konj ima rep; Šivanka ima uho; Celica ima jedro* (Исаченко 1965: 7–29).

Тут мы имеем дело с т.н. относительной посессивностью, поэтому $T_1$ реализуется в виде именного словосочетания – относительно притяжательное прилагательное не переходит в предикатив:[19]

($18_а$) *človekove/človeške roke, konjski rep; šivankino uho. Celično jedro.*

С помощью данной конструкции посессивность составной части может выражаться также и в русском языке при тех же самых категориальных характеристиках как посессора, так и обладаемого, в русском также возможна трансформация в относительно-притяжательное прилагательное:

---

подтверждает то, что в данном случае притяжательное прилагательное относится к обязательным распространителям существительного (Pit’ha 1991; Vidovič Muha 1998).

[17] Дополнительность относят к антонимии Дж. Лайонз (Lyons 1980: 281–327), Й. Филипец (Filipec 1985: 129-–132), А. Видович-Муха (Vidovič Muha напр.: 2000: 169–174).

[18] В рамках этого стоит упомянуть также и т.н. тавтологическую антонимию, тип *brat – brat, sestra – sestra*, т.е. сестра является сестрой, потому что у нее есть сестра, а не только брат и т.п.

[19] В действительности, речь идет о словарных единицах, типа $A_{отн1}S$ ($A_{отн1}$ – подлинные относительные прилагательные), т.е. подлинных устойчивых словосочетаниях – номинативных языковых единицах; подробнее о свойствах устойчивых именных словосочетаний с определением, выраженным прилагательным, по сравнению со свободными словосочетаниями см. Видович Муха (Vidovič Muha, напр., 2000: 63 – особенно 68–75).

(19) *У человека есть руки; У лошади есть хвост; У иголки есть ушко. Клетка имеет ядро.*[20]

Трансформация в относительно-притяжательное прилагательное:

($19_a$) *человеческие/ человечьи руки, лошадиный хвост; игольное ушко. Клеточное ядро*.

**2.1.2.3** Особенный тип значения связан с относительностью; в словенском языке речь идёт об относительных прилагательных также со значением составных частей, которые происходят из родительного с предлогом *из* ($Gen_{iz}$) во множественном числе (Vidovič Muha нпр. 2000: xxx). В этих примерах речь идёт также о составных частях: $S_{им}$ (посессор) → о-/а (абстрактное) называет целостность составных частей, выраженных $S_{вин}$; трансформация $T_1$ может быть связана с родительным составной части. Тут формируются два подтипа в зависимости от того, выражает ли $S_{им}$ случайную или абсолютную целостность своих компонентов ($S_{вин}$); первый подтип:

(20) *Stanovanje ima tri sobe; Hiša ima tri nadstropja*

т.е. *stanovanje (состоит) iz treh sob* и т.п.

Трансформация

($21_a$) *Stanovanje je trisobno; Hiša je trinadstropna*

логична и информационна;

второй подтип:

(22) *Teden ima sedem dni; Kilometer ima tisoč metrov.*

Трансформация в **sedemdnevni teden*, **tisočmetrski kilometer* тавтологична.

Если в данном типе посессор неодушевленное (о-), в русском языке, как кажется, значение составных частей часто выражается с помощью конструкции *в* $S_{предл}$:

(23) *В квартире три комнаты; В доме три этажа.*

Трансформация:

($23_a$) *Квартира трёхкомнатная; Дом трёхэтажный.*

(24) *В неделе семь дней; В километре тысяча метров.*

Трансформация в **тысячеметровый километр*, разумеется, также тавтологична.

**2.2** Некоторые основные характеристики выражения местонахождения кого-то/чего-то в некоторой степени демонстрируют параллельность выражению посессивности. Так в словенском языке глагол *imeti* одно или двухвалентный, а $S_{им}$ является дополнением или составной частью сказуемого.

**2.2.1** Непосредственная локативность – обладаемое находится у посессора. Мы имеем дело с той же самой синтаксической конструкцией, что и при подлинной посессивности – $S_{им}$ $imeti_f$ $S_{вин}$ – и таким же грамматико-категориальным наполнением, т.е. $S_{им}$ → ч+, $S_{вин}$ → ч–. Трансформация в притяжательное

[20] Данный пример относится с специальному языку, поэтому обычно используется конструкция с глаголом *иметь*.

прилагательное ($T_1$) по крайней мере формально возможна в том случае, если $S_{вин}$ не распространен притяжательным прилагательным, естественно, с изменением значения: притяжательное прилагательное выражает посессивность обладания. Трансформация $T_2$ может быть осуществлена последовательно, значение локативности может подкрепляться лексическим значением посессора и обладаемого; естественно, в данном типе $S_{им}$ не может трактоваться как посессор, а только как точка ориентации в пространстве относительно чего-л. ($S_{вин}$ – обладаемое).

Недвусмысленность локативности связана с примерами, когда рядом с обладаемым находится подлинное притяжательное прилагательное; разумеется, в таких случаях «посессора» нельзя преобразовать в притяжательное прилагательное:[21]

(25) *Urednik ima gradivo*

($25_a$) *Urednik ima njegovo/pisateljevo gradivo*

($25_b$) *Pri uredniku je njegovo/pisateljevo gradivo*

($25_c$) **Njegovo/pisateljevo gradivo je urednikovo.*

В русском пространственная интерпретация посессивной конструкции теоретически также возможна, если при обладаемом стоит родительный принадлежности или притяжательное местоимение. Носители языка интерпретируют такие предложения как ‘нахождение в распоряжении у кого-л.’

(26) *У редактора есть материал*

($26_a$) *У редактора материал писателя*

($26_b$) **Материал писателя – редактора*.

Пространственное значение становится несомненным при переходе в локативное предложение ($T_2$). Изначальный посессор $S_{род}$ становится частью сказуемого в качестве обстоятельства места, а обладаемое $S_{им}$ – подлежащим, речь идет об иной структурной схеме предложения:

($26_c$) *Материал* (*писателя*) *– у редактора*.

В данной конструкции, где рема – обстоятельство места, глагол *есть* обычно в нулевой форме (Шатуновский 2000: 194).

**2.2.2** Параллельно с реляционной посессивностью в словенском языке появляется и т.н. реляционная локативность типа $S_{им} \rightarrow$ ч+, $S_{вин} \rightarrow$ ч+; как и в целом для локативных конструкций, также и в данном случае актуальна для словенского языка прежде всего трансформация $T_2$:

(27) *Sosed ima goste.*

($27_a$) *Pri sosedu so gostje*.

В русском языке в примерах, где ‘обладаемое’ – лицо (ч+), локативная интерпретация возможна изначально, но обычно при нулевом *есть*.

(28) *У соседа гости*

имеет посессивную или локативную интерпретацию.

[21] Логично заключение, что принадлежность обладаемого может быть приписана только одному посессору (Pit’ha 1972; 1991).

**2.3** Глагол *imeti* вместе с обстоятельством наполняет понятие посессивности различными свойствами, действиями, состояниями и т.п. ($S_{вин}$), связанными с т.н. посессором ($S_{им}$) как ориентиром. Главным образом на основе семантического заполнения $S_{вин}$ и следующих из этого трансформационных возможностей можно выделить несколько основных групп.

**2.3.1** В качестве свойства носителя ($S_{им}$) выступает его материальное дополнение ($S_{вин}$); $S_{им} \rightarrow$ ч+, $S_{вин} \rightarrow$ к (конкретное). Для группы характерна невозможность трансформации $T_1$ (Gen $_{прит}$ и производные притяжательные прилагательные).

(31) *Sosed ima očala*, *periko*, *protezo*, *slušni aparat*.

Глагол *nositi* в примерах типа *Sosed nosi očala* /…/ по сравнению с глаголом *imeti* выражает активную позицию посессора по отношению к данному дополнению, поэтому в этом случае нельзя говорить о синонимии.

При трансформации $T_1$ значение меняется на посессивное обладательное:

($31_a$) *Očala /.../ so sosedova – sosedova očala*.

Данный тип существует и в русском языке, хотя, как кажется, более распространены конструкции с глаголами *носить, ходить в*:

(32) *Сосед носит очки, парик, протез /ходит в очках, с слуховым аппаратом.*

Посессивная конструкция может выражать свойство или обладание:

($32_a$) *У соседа очки* – свойство

($32_b$) *У соседа очки есть, но он их забыл дома* – обладание.

После $T_1$ значение обладания:

($32_c$) *Очки – соседа – очки соседа*.

**2.3.2** $S_{им}$ (подлежащее) – носитель качества, состояния, т.е. $S_{им} \rightarrow$ ч+ (главным образом), а $S_{вин}$ может быть

(a) необязательной частью тела:

(33) *Sosed ima brado*, *brke*

при ожидаемой трансформации $T_1$ – *sosedova brada*, *brki,* трансформация $T_3$ *biti* + качественное прилагательное:

($33_a$) *Sosed je bradat*, *brkat – bradat*, *brkat sosed;*

(b) неотделимая часть тела с возможностью трансформации в качественный родительный:[22]

(34) *Sosed ima črne oči*

также при ожидаемой трансформации $T_1$ – *sosedove črne oči – črnook sosed*, после трансформации $T_3$ получаем:

($34_a$) *Sosed je črnih oči – /.../ je črnolas*.

Соответственно в русском языке, но без трансформации в качественный родительный:

(a)

(35) *У соседа (есть) борода, усы*

(35a) *Сосед бородатый, усатый.*

[22] Как известно, качественный родительный выражает свойство частей тела типа *črnih oči*, *bele polti*, *dolgih nog*, также *kratkega repa*, *zelenih listov* (Исаченко 1965), и их производных композитов типа *črnook* /.../ (Vidovič Muha 1988: 119–126).

(b)
(36) *У соседа чёрные глаза*
($36_a$) *Сосед черноглазый.*

**2.3.3** В роли $S_{им}$ – подлежащего – выступает носитель, напр., наступившего как следствие состояния, (потенциального) события ($S_{вин}$).

**2.3.3.1** Что стало причиной состояния $S_{им}$, не выражено или нерелевантно:
(37) *Sosed ima vročino*
а также *Sosed ima visoko izobrazbo*, *ugled*, *veljavo*, *srečo*,
чему соответствует трансформация *sosedova vročina /.../*. Трансформация $T_3$ выводит на первый план следственность состояния носителя ($S_{им}$): *Sosed ima vročino /.../* и поэтому
($37_a$) *Sosed je vročičen*, *visoko izobražen, ugleden /.../.*
Описание болезненного состояния с помощью посессивной конструкции обычно также и в русском языке, так же выражаются и другие состояния. Лексическое заполнение в русском языке может отличаться от словенского.
(38) *У соседа жар, высшее образование, хорошая репутация* /.../
($38_a$) *Сосед температурит,* но *с высшим образованием, с хорошей репутацией /.../.*
Глагол *imeti,* как уже было сказано, может описывать также и актуальное состояние, которое выходит на первый план только после трансформации $T_3$:
(39) *Sosed ima predavanje*, *govor*, *nastop*, *delo*
($39_a$) *Sosed predava*, *govori*, *nastopa*, *dela*.
В русском:
(40) *У соседа лекция, выступление, работа*
($40_a$) *Сосед читает лекцию, выступает, работает*.

**2.3.3.2** Возбудитель состояния или совершитель действия, хотя и вынесен за рамки $S_{им}$, т.е. не называется эксплицитно, но при этом, по крайней мере, опосредованно очевиден:
(41) *Sosed ima štipendijo*, *plačo*, *kredit.*
Глаголы *prejemati*, *dobivati* являются синонимичными только на первый взгляд, в действительности, тут мы имеем дело с причинно-следственным отношением: *dobivati*, *prejemati* и поэтому *imeti*. – При трансформации $T_3$ наблюдаем такое же соотношение как и между действительной и страдательной конструкцией:
($42_a$) *Sosed je štipendiran*, *plačevan*, *kreditiran*
на самом деле это значит, что
($42_b$) *Soseda štipendirajo*, *plačujejo*, *kreditirajo*.
При необходимости с помощью формального или содержательного (описательного) страдательного залога – тип с глаголом *imeti* – можно произвести членение по актуальности: таким способом можно вынести совершителя действия на первый план или отодвинуть его на задний план, напр. *Soseda štipendirajo* (кто именно, в данном случае не важно).

В русском языке в таких случаях посессивная конструкция, как кажется, не употребляется.

**2.3.4** $S_{вин}$ в значении состояния, возникающего как следствие выполненного действия, может распространяться, напр., вторичным сказуемым, не зависимо от того, кто выполнил действие:

(44) *Otrok ima nalogo napisano*;

трансформация $T_1$ и $T_3$:

($44_a$) *Otrokova naloga je napisana*

однако, если быть точным, не зависимо от того, кто выполнил действие – совершитель действия может быть ребенок или кто-нибудь другой, что в данном случае не релевантно:

($44_b$) *Otrok je napisal nalogo* или *Otroku so napisali nalogo*.

В русском этому соответствуют конструкции:

(45) *У мальчика уроки сделаны*

($45_a$) *Уроки мальчика сделаны*

или

($45_b$) *Уроки у мальчика сделаны*

($45_c$) *Мальчик сделал уроки; Мальчику сделали уроки.*

Причастие состояния (в составе сказуемого, вторичное сказуемое) может опускаться:

(46) *Direktorja že imajo* (*izvoljenega*)

($46_a$) *Direktorja so izvolili (in sedaj) ga imajo (izvoljenega)*

или, если применить актуальное членение: *(Njihov) direktor je izvoljen.*

В русском:

(47) *Директор у них уже есть.*

($47_a$) *Директора выбрали* / *Директор у них выбран.*

**2.3.5** Особый тип составляют примеры, когда $S_{им}$ (имплицитно) через $S_{вин}$ производит действие в связи с $S_{вин}$ – опосредованно $S_{им}$ сам является совершителем действия, а $S_{вин}$ претерпевает совершаемое действие:

(48) *Sosed ima študenta na hrani*, *stanovanju*;

глагол *imeti* на содержательном уровне может сохраняться при локализации исходного $S_{им}$, что очевидно из трансформации $T_2$:

($48_a$) *Študent je na hrani, stanovanju pri sosedu*

($48_b$) *Študent se hrani*, *stanuje pri sosedu*.

Возможность трансформации $T_2$ позволяет (при соответствующем значении глагола) $S_{им}$ из исходного носителя действия по отношению к кому-нибудь (sosed – študent) через носителя обстоятельств этого действия (pri sosedu) совершать переход в (активного) совершителя действия:

($48_c$) *Sosed hrani študenta*.

Как кажется, в русском языке нет соответствий данному типу выражений:

(49) *У соседа живёт студент и он его кормит.*

**3** В настоящем сравнительном очерке, рассматривающем значение глагола *imeti* и *быть у* в словенском и русском языках, не рассматривалось функционирование модальных форм глагола *imeti*, которые, как показывает исследование в словенском языке (Vidovič Muha 1998), довольно частотны и типологически разнообразны.

Сокращения:

| | |
|---|---|
| Т – | трансформация |
| ч – | категория человек |
| $V_f$ – | личная форма глагола |
| $Imeti_f$ – | личная форма глагола *imeti* |
| $Gen_{iz}$ – | родительный падеж с предлогом *iz* (родительный составной части) |
| $Gen_{прит}$ – | родительный посессивности |
| $A_{прит}$ – | притяжательное прилагательное |
| $S_{им}$ – | существительное в именительном падеже (подлежащее) |
| $S_{род}$ – | существительное в родительном падеже |
| $S_{вин}$ – | существительное в винительном падеже (дополнение) |
| о – | категория одушевленности |
| $M_{loc}$ – | морфема места |

## Литература


Filipec, J., 1985: *Česká lexikologie*. Československá akademie věd. Praha.

Halliday, M. A. K., [2]1994: *An Introduction to Functional Grammar*. Edward Arnold. London.

Lyons, J., [1977]1980: *Semantik* (Band I). Verlag C. H. Beck. München.

– – [1977]1983: *Semantik* (Band II). Verlag C. H. Beck. München.

Mikuš, R. F., 1960: Prostorni podatak događaja: teorija i govorni izraz. Radovi 1/1. Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet Zadar. Zadar. 7–30.

Piťha, P., 1972: *K sémanticko-syntaktické charakteristice slovesa m í t*. Slavica pragensia XIV. Universita Karlova. Praha.

Quirk /…/, R., [13]1995: *A comprehensive Grammar of the English Language*. Longman. London and New York.

Topolińska, Z., 1985: *Autour de la notion de relation possessive*. Prilozi, X 1 – Oddelenie za lingvistika i literaturna nauka. Makedonska akademija na naukite i umetnostite. Skopje.

Vidovič Muha, A., 1988: *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženk*. Partizanska knjiga (Znanstveni tisk), Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. Ljubljana.

– 1988: Kontrastive slowenisch-deutsche Typologie der Nominalkomposition. Wiener slawistischer *Almanach* (Band 22). Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. Wien. 311–323.

– 1998: *Pomenski preplet glagolov* imeti и biti – *njuna jezikovnosistemska stilistika*. Slavistična revija 46, 293–325.

– 2000: Slovensko leksikalno pomenoslovje. Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. Ljubljana.

– 2005: Imeti in einer Transformationsbeziehung zu biti. В: H. Ehrhardt (ред.), M. Zorman (ред.). *Semantische Probleme des Slowenischen und des Deutschen*, (Sprache – System und Tätigkeit, Bd. 55). Frankfurt am Main [etc.]: Peter Lang, cop. 2005, str. [291]–314.

Апресян, Ю. Д. и др., 2000: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва: Языки русской культуры.

Apresjan, J., 2000a: *Systematic lexicography*. Oxford University Press.

Арутюнова, Н. Д., 1998: Пространство и бытие. В: *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры. 737–793.

Виноградов, В. В., 1986: *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Изд. 3-е, испр. Москва: Высшая школа.

Золотова 1988: Г. А. *Синтаксический словарь*. Москва: Наука.

Исаченко, А. В., 1954: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Ч. 1. Братислава: Изд. Словацкой Академии наук.

РГ I–II: *Русская грамматика I–II*, Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980–82.

Селиверстова, О. Н., 2004: Селиверстова, *Контрастивная синтаксическая семантика*. Москва: Издательство научной и учебной литературы УРРС.

Шатуновский, И. Б., 2000: Шатуновский, Предложения наличия vs. Бытийные и локативные предложения в русском языке. В: *Логический анализ языка. Языки пространств.* Москва: Языки русской культуры. 189–198.

Iz slovenščine prevedla *T. Filimonova*.

## Povzetek

### Glagolsko izražanje svojilnosti v slovenščini in ruščini

Pri pomensko zapletenem glagolu *imeti* se potrjuje uvodna misel, da ostanejo po izločitvi naklonskosti trije temeljni pomeni, ki jih povezuje spoznanje, da gre pri vseh v najširšem smislu za vprašanje prostorske umestitve česa glede na koga oz. umestitve česa ev. koga ($Sam_4$) glede na orientacijsko točko v prostoru – kdo ev. kaj ($Sam_4$). Pri tem moramo sam pojem prostorske umestitve razumeti tudi zelo abstraktno tako na ravni pojma prostor kot tudi na ravni prvin, ki v ta prostorska razmerja vstopajo.

Glagol *imeti* se potrjuje kot polnopomenski in pomožniški; merilo prepoznavanja njegove ene ali druge lastnosti izvira iz možnosti skladenjske razvrstitve po pretvorbi $P_1$ nastalega (načeloma) svojilnega pridevnika: če je ta nastal iz polnopomenskega *imeti*, je mogoč v vseh skladenjskih vlogah, če pa je v njegovi podstavi pomensko oslabljeni imeti, se ne more pojavljati v povedkovem določilu, se pravi ob veznem *biti* kot nosilec povedkovega pomena. Po tem merilu se *imeti* izkazuje kot polnopomenski v tipoloških zgledih *Sosed ima avto – Avto je sosedov*, *Urednik ima gradivo – Gradivo je urednikovo*. V vseh drugih primerih, v veliki večini torej, je pomensko oslabljen, pomožniški. Razloge, ki preprečujejo prehod svojilnega pridevnika v povedkovo določilo – njegovo predikacijo torej, je mogoče, kot rečeno, razbrati iz lastnosti po pretvorbi nastale ($P_1$) imenske zveze; v takšni zvezi se nahaja:

(a) svojilni pridevnik, razvrščen ob samostalnik, ki poimenuje
   – razmerja med ljudmi, npr. *sosedov brat*; **Brat je sosedov*
   – lastnost, stanje (navadno po dejanju), zakrito dejanje ipd.: *sosedova brada*, *bolnikova vročina* idr.;

(b) vrstni pridevnik, ki že po definiciji tvori stalno besedno zvezo – gre za poimenovanje vrstnega (generičnega) pojma; vrstnost po pretvorbi $P_1$ nastalih pridevnikov je po izvoru lahko dvojna:
   – svojilna: $R_s$ izraža povezavo s splošnim, kar se formalno kaže kot neprepoznavnost spola in števila – nezaznamovanost s teh dveh vidikov, npr. *šolski vrt*; *tovarniški dimnik*; – svojilna sestavinska, npr. *človeška/človekova glava*. Gre za ločevanje t. i. pravih svojilnih pridevnikov z obraziloma *-ov/-in*, ki jim edinim omogočata ohranitev vseh končniških informacij – spola, sklona, števila.

Sicer pa velja:

– samo pretvorba $P_2$ je pri glagolu *imeti* tista, ki povezuje ta glagol s polnopomenskim *biti* *{$M_k$}*, pri čemer prihaja do obveznega preurejanja aktantskih vlog;
– pretvorbi $P_1$ in $P_3$ pri glagolu *imeti* odpirata povezavo s kopulno vlogo *biti*: $P_1$ ob obveznem zmanjševanju aktantskih vlog spreminja tudi dvovalentni *imeti* v enovalentni *biti*: *imeti kaj – biti od koga*. – Tudi pretvorbe *imeti* tipa $P_3$ vzpostavljajo povezavo z veznim *biti*, tip *imeti brado – biti bradat*, *imeti štipendijo – biti štipendiran*, oz. se pretvarjajo v polnopomenski glagol, *imeti predavanje – predavati*.

Vsi pretvorbeni postopki odpirajo možnost členitve stavčnih povedi po aktualnosti. Gre torej za upoštevanja vredno jezikovnosistemsko stilistiko.

V ruščini vsebuje osnovna konstrukcija, ki izraža svojilnost, torej *У меня есть машина*, glagol *быть у*, posedovalec je izražen s predložno zvezo (*У)* $Sam_2$ – ki ima v nesvojilnih stavkih krajevni pomen ( *Стол – у окна*) – posedovano je izraženo s $Sam_1$ kot tisto, kar obstaja pri posedovalcu. V izhodiščnem besednem redu je posedovano v remi. Pomen глагола *есть* v svojilnih stavkih nekateri jezikoslovci opredeljujejo kot eksistencialni (Arutjunova) in svojilne stavke povezujejo z eksistencialnimi: *У меня есть машина* : *В этом городе есть музей*. Apresjan glagolu *быть* – ob pomenih vezi, pomožnika, lokativnem pomenu, eksistencialnem pomenu in posebnem pomenu, ki se izkazuje v stavkih tipa *Быть грозе* – pripisuje poseben, svojilni pomen.

V sedanjiku je v svojilni konstrukciji glagol lahko ekspliciran ali pa ničti. Na splošno velja, da je ekspliciran tedaj, kadar je rema ali del reme. Tedaj tudi velja, da je polnopomenski. Če glagol ni vsebovan v remi, je ničti. Kadar je npr. ob posedovanem prilastek in je le-ta rema, je *есть* ničti in v takih primerih se v njem združujeta eksistencialni pomen in pomen vezi (Arutjunova, Seliverstova).

Struktura je specializirana za izražanje svojilnosti, zlasti to velja za primere, če je posedovalec oseba, posedovano pa predmet. Krajevna interpretacija je včasih možna in odvisna leksikalne zapolnjenosti in sobesedila; možna je npr., če je ob posedovanem svojilni rodilnik ali svojilni zaimek, npr. *У соседа машина отца* ali, če sta posedovalec in posedovano osebi – *У соседа сын.* Nedvomno krajevni pomen ima stavčni vzorec *Машина – у соседа*; *Сын – у соседа*. V stavkih s krajevnim pomenom je *есть* načeloma ničti.

S svojilno konstrukcijo se v ruščini izraža večina tu predstavljenih pomenov slovenskega *imeti: imam avto – у меня есть машина; sosed ima brata – у соседа есть брат; konj ima rep – у лошади есть хвост; sosed ima avto pred hišo – у соседа машина перед домом; sosed ima brado – у соседа есть борода*. Vendar se včasih v ruščini kakega pomena, ki se v slovenščini izraža z *imeti*, ne da izraziti s svojilno konstrukcijo, npr. *Stanovanje ima tri sobe – В квартире три комнаты.* Zdi se tudi, da v ruščini ni ekvivalenta s svojilno konstrukcijo za tipa *Sosed ima štipendijo, kredit* in *Sosed ima študenta na hrani.* Prav tako se krajevnost načeloma ne izraža s svojilno konstrukcijo, ampak s stavčnim vzorcem *Машина – у соседа.*

Zdi se, da ni razlike glede polnopomenskosti *быть* v tu predstavljenih tipih svojilnosti. Če je *есть* rema ali del reme, je ekspliciran in torej polnopomenski ne glede na tip svojilnosti: *У соседа есть машина, дети, борода.* S tega vidika ni mogoče najti paralel med polnopomenskostjo *быть у* v ruščini in polnopomenskostjo *imeti* v slovenščini. Določene paralele ugotovitvam o enovalentnosti oz. dvovalentnosti *imeti* v slovenščini ponujajo v ruščini pretvorbe: *Он бородатый, голубоглазый; он температурит, читает лекцию, работает.*